

— Ты ко мне? Твои чувства ко мне — не более чем привязанность птенца, как можно принимать это всерьёз... — Хуа Фэйбай произнёс это спокойно. Его глаза, чёрные как лак, казались бездонными, словно древний колодец, источая леденящую тишину. — Между мной и ним невозможно объяснить всё в двух словах.

Цзюнь Улэй почувствовал, будто в его сердце ударил гром, заставив всё его тело содрогнуться. Его юное лицо выражало шок. Он хотел отрицать каждое услышанное слово, но, встретившись взглядом с Хуа Фэйбаем, почувствовал, как его сердце опустело, словно лишилось опоры.

В этих прекрасных, спокойных глазах он уловил холодность, которую раньше не замечал. Холодность, смешанная с одиночеством, погрузившая Хуа Фэйбая в воспоминания, из которых невозможно было выбраться...

На этот раз Цзюнь Улэй понял, что Хуа Фэйбай говорит всерьёз.

— А-Фэй, значит... — Цзюнь Улэй сжал руку Хуа Фэйбая, его голос дрожал. — Сто лет назад ты потратил больше половины своей духовной силы, чтобы спасти его?

Он прикусил губу, лицо покраснело от стыда и гнева.

— Ты действительно... любишь его? А-Фэй, тот, кого ты всегда любил, — это Мин Юй?!

— Говори же, отвечай мне! — Цзюнь Улэй был взволнован, его тон становился всё более требовательным.

— Нет, ты ошибаешься...

Сердце Цзюнь Улэй пропустило удар.

Хуа Фэйбай выпрямился. Его прямая спина в мерцающем свете свечей напоминала стройный бамбук, вызывая болезненное восхищение своей стойкостью.

— Я не люблю его, — он слегка закрыл глаза, глубоко вздохнул, на его лице появилась явная усталость.

Через мгновение он открыл глаза, и все следы слабости исчезли. Он засмеялся, его голос, чистый и звонкий, казалось, мог пронзить облака.

— Мин Юй — это тот, кого я люблю больше всего в этой жизни. Ради него я готов разрушить небо и землю, даже если это приведёт меня к вечным мукам!

Он повернул голову, его взгляд был настолько нежным, что это разрывало сердце. Самые жестокие слова он произносил самым мягким тоном. Больше никто не мог улыбаться так красиво, даже он сам не мог превзойти эту ослепительную улыбку, которая сбивала с толку...

— Почему ты никогда не говорил мне об этом? Почему не рассказал о вашем прошлом? — Цзюнь Улэй почувствовал, будто мир вокруг него рухнул, став разбитым и неузнаваемым. Он едва мог держаться на ногах.

— Улэй, ты никогда не спрашивал, да и тогда ты был слишком молод, чтобы знать такие вещи.

— Хуа Фэйбай! — Цзюнь Улэй схватил его за запястье, в его глазах мелькнула бесконечная ярость, словно в сердце пронёсся ледяной ветер. — Почему ты скрывал это от меня? Ты смотрел, как я, словно дурак, преследую тебя, и, наверное, смеялся надо мной в душе, да?

Он вспомнил все эти годы, как он, словно слепой, преследовал великолепного Хуа Фэйбая, как нагло признавался в любви! Все эти абсурдные сцены продолжались десятилетиями с молчаливого согласия этого человека. Это было... как говорится в пословице, он был настоящим глупцом, редчайшим ослом!

— Улэй, ты ещё молод и не понимаешь, что такое любовь. Ты всегда был рядом со мной, и твои чувства ко мне — это лишь детская привязанность, а не настоящая любовь между мужчиной и женщиной. Ты просто не осознавал этого.

В свете свечей лицо Хуа Фэйбая стало мрачным. Его взгляд, казалось, падал на Цзюнь Улэй, но в то же время проходил сквозь него, устремляясь вдаль.

Цзюнь Улэй открыл рот, но не смог издать ни звука. В его памяти всплывали воспоминания из прошлого...

Этот мужчина в красных одеждах и с фиолетовыми волосами, который усаживал маленького Цзюнь Улэй к себе на колени, макал палец в мёд и касался его языка, улыбаясь и уговаривая капризного ребёнка выпить лекарство.

Этот тёплый и улыбчивый мужчина, который носил на спине его, сломавшего ногу, и стоял под цветущей персиковой сливой, собирая свежие лепестки, чтобы приготовить его любимое лакомство — пирожные с персиковым мёдом и кедровыми орешками.

Этот молчаливый и сострадательный мужчина, который заботливо накладывал мазь на его раны, когда он, корчась от боли, ругался и проклинал тех, кто причинил ему страдания. Он утешал его шутками и проводил с ним долгие дни выздоровления.

Этот нежный, как вода, мужчина, который молча наблюдал за его абсурдными попытками добиться его расположения, за его смелыми поступками, а затем лишь слегка улыбался, не

отказывая, но и не принимая его, просто мягко позволяя ему всё!

И теперь всё это было разрушено его жестокой ложью. Оказалось, что всё это было обманом, огромной шуткой, а он был просто клоуном, который, не зная правды, радовался своей глупости!

— Если тебе всё равно, зачем ты ищешь оправдания, говоря, что я не понимаю любви...

Цзюнь Улэй почувствовал горечь на языке, его разум был ясен как никогда. Он понял всё, но в груди образовалась пустота, словно кто-то вырвал кусок его сердца! На самом деле он давно должен был догадаться, всё было так очевидно:

Хуа Фэйбай предпочитал красные одежды — это был любимый цвет Мин Юя. Его церемонию совершеннолетия также провёл Мин Юй.

Дворец позолоченного феникса Мин Юя был окружён персиковыми деревьями, и в сезон их цветения, под звёздным небом, воздух наполнялся тонким ароматом, напоминающим лучший нефрит.

Мин Юй любил пить сладкое, но не приторное вино из персиковых цветов, а в детстве Цзюнь Улэй чаще всего ел лакомства, приготовленные Хуа Фэйбаем из персикового мёда.

Мин Юй и он никогда не появлялись вместе, но его бамбуковый дом был обставлен с изысканным вкусом, каждая деталь была уникальна, и все предметы были необычайно ценны, напоминая королевскую резиденцию.

Этот мужчина был первым, кого Цзюнь Улэй увидел, когда открыл глаза в младенчестве. Он одевал его, кормил, учил его магии. Для Цзюнь Улэй он был и учителем, и старшим братом, человеком, который значил для него очень много, тем, к кому он всегда стремился. И теперь этот человек решил научить его другой, неизведанной эмоции — обману и предательству!

— Ха-ха-ха!.. Так вот как оно было, ха... Всё это было просто фарсом! Не думал, что ты можешь быть таким жестоким, обманывая меня так долго. Если бы я не спросил, ты бы никогда не сказал, продолжая смеяться надо мной? Хуа Фэйбай, ты просто великолепен, я больше не хочу тебя видеть! — Глаза Цзюнь Улэй были полны красных прожилок, его юное лицо было мокрым от слёз. Он медленно отпустил рукав Хуа Фэйбая и, развернувшись, выбежал из комнаты!

Хуа Фэйбай опустил взгляд. На его серебристо-фиолетовых волосах, казалось, сверкали слёзы. Его слезная родинка, красная как киноварь, больше не могла проливать слёз.

Внезапно он прикрыл рот, с усилием подавив подступающую тошноту, и покрылся холодным потом.

Он слегка нахмурился, и маленький бутон на его животе, словно ожив, выпустил ветви, которые поползли по его бледной коже, постепенно смыкаясь у сердца. Цветы были яркими и казались живыми.

Прижав руку к животу, словно к горящему огню, Хуа Фэйбай горько усмехнулся. Это тело всё ещё было слишком слабым.

Неясное чувство в животе заставило его напрячься. Он осторожно помассировал его, но всё его тело дрожало. Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться и справиться с учатившимися болями.

Внезапно в животе произошло сильное сокращение, его глаза широко раскрылись, и он, потеряв равновесие, упал на кровать, заставив полог скрипеть.

На этот раз боль была сильнее, чем раньше, и он не был к этому готов. Его пальцы сначала разжались, а затем снова сжали опущенный полог. Он изо всех сил старался терпеть, ожидая, пока первая волна боли пройдёт. Его глаза то закрывались, то снова открывались, но вскоре снова плотно смыкались.

Казалось, небо наказывало его. Волны боли не ослабевали, а только усиливались. Он терпел, кусая губу до крови, его тело сжалось в комок, лицо стало белым, словно готовое растаять.

— Улэй, я... прости...

Схватки в животе продолжались больше часа. Хуа Фэйбай, упав на подушку, потерял сознание от боли...

<http://bllate.org/book/15278/1348686>